

Моя прабабушка и представить себе не могла, что доживет до девяноста девяти. Готовиться к смерти она начала загодя: лет этак с шестидесяти или семидесяти.

Стоило кому-нибудь из стариков в округе слечь, как прабабушка — если хоть немного была с ним знакома — тут же спешила к нему домой, придвигала к кровати бамбуковый стул и садилась рядом. Старик молча смотрел на нее — она на него. Он хотел поговорить — она поддерживала разговор. Он закрывал глаза — и она тоже начинала клевать носом.

Сдерживая любопытство, прабабушка терпеливо дожидалась, пока умирающему не станет чуть полегче, и, будто бы невзначай, спрашивала:

— Ну как, чувствуешь, что скоро уйдешь? А правда, что сначала немеют пальцы на ногах? Больно?

Где-нибудь, возможно, такое поведение сочли бы бестактным, но у нас это было в порядке вещей — все равно что заглянуть к соседям перекинуться в карты.

И хотя тем, кто стоял на пороге смерти, подобное внимание порой казалось навязчивым, чаще всего они относились к нему с пониманием: ведь когда-то и сами вели себя так же.

В моих родных краях умирать — это целое искусство.

Не знаю, откуда пошел такой обычай, но смерть непременно должна застать старика дома — иначе нельзя; да и в доме для этого подходит далеко не каждая комната. Есть лишь один по-настоящему правильный способ проститься с собственным телом: почувствовав, что время пришло, человек должен немедленно велеть детям и внукам перенести его кровать в главный зал, поближе к алтарю. Родные стены не дадут душе заблудиться, а боги, которых на юге Фуцзяни почитают в каждой семье, помогут ей вознестись на небо.

Вот почему, дожив до преклонных лет, старики вступают в негласное соревнование, кто первым заметит приближение смерти. Они собираются вместе, обсуждают малейшие перемены в теле, делятся догадками, подмечают тревожные, пусть даже мнимые знаки и, как бегуны на линии старта, затаив дыхание, ждут, готовые в любую секунду услышать выстрел из пистолета судьбы. Уезжать или даже уходить далеко из дома очень опасно. Ведь стоит уловить легчайшее дыхание смерти, как придется скорее возвращаться, ложиться в постель и раз за разом прислушиваться — не стоит ли она у двери.

Пусть задача это и непростая, но большинство людей, хоть и успевают изрядно переволноваться, в итоге все-таки благополучно умирают. Впрочем, бывают и поразительно неудачные случаи, как, например, с тем стариком, что жил в самом начале нашего переуллка.

В первый раз, когда он слабым, изможденным голосом объявил, что пора переносить кровать, несколько родственников даже поспешили приехать из Малайзии. Сначала все, конечно, только и делали, что рыдали, не в силах смириться с предстоящей потерей. Но потом поняли: смерть, похоже, решила проявить терпение. С благодарностью воспользовавшись этой неожиданной отсрочкой, люди по очереди начали вспоминать моменты из жизни старика, свидетелями которых были. Однако смерть оказалась слишком щедрой, и вскоре одни и те же истории начали повторяться по кругу. Дней через десять говорить стало не о чем, и тогда все понемногу забеспокоились, почему же смерть еще медлит. Время шло, и люди уже не знали, как себя вести: старик молча лежал, родственники молча сидели вокруг — и так прошел целый месяц. В конце концов умирающий не выдержал: под пристальными взглядами присутствующих он сердито поднялся с кровати в центре зала, вышел из дома, присел на корточки у порога и закурил.

Старик был крайне раздосадован и все больше тревожился о том, что уйти достойно и красиво у него не получится. Когда ему снова показалось, что время пришло, он во второй раз объявил, что собирается покинуть этот мир. Родственники тактично выразили

свои сомнения, но он был настолько уверен в себе, что не допускал даже мысли о провале. Родным ничего не оставалось, кроме как исполнить его волю и перенести кровать в зал. Однако на этот раз они плотно закрыли двери и держали все в секрете, даже соседских детей не пускали в гости: если со смертью опять случится осечка, позора не оберешься. Но, как они ни старались, слухи все же потихоньку расползлись: спустя месяц люди снова увидели старика за воротами — и без слов поняли, что очередная попытка оказалась неудачной.

После такого конфуза человека не покидает странное чувство стыда. Поэтому еще какое-то время каждый, кто встречал того старика на улице, говорил с ним особенно ласково и старался утешить, словно большого мальчика, который все еще мочится в постель.

В третий раз его перенесли в главный зал уже по решению родственников: старик стремительно слабел и сдувался на глазах, словно мяч, из которого постепенно выходил воздух. И хотя задача состояла в том, чтобы он ушел из жизни как положено, все — родные, друзья и даже соседи — почему-то нервничали, словно это был самый важный экзамен или состязание в жизни умирающего.

Боясь проворонить самое важное, дети из школы мчались к нему домой и прямо там делали уроки, а мужчины после работы хватали тарелки и бежали туда ужинать. Все были рядом, подбадривали, никуда не отходили. И на этот раз старик наконец спокойно покинул этот мир. Он вдруг резко дернул ногами — и все вокруг, словно по команде, радостно вскрикнули.

А потом, осознав, что он и правда ушел, разом замолкли и опечалились.

Скорбь по ушедшему и без того тяжела, а тут к ней примешались еще раздражение и злость. Некоторые люди на похоронах, вспоминая смерть старика, невольно закипали. Стоя с благовониями перед его фотографией, они начали ругаться:

— Да разве ж так уходят? Проститься нормально не дал!

Жалобы достигли пика, когда пришел черед опустить гроб в землю. Шигун¹ торжественно произнес:

— Настал счастливый час, чтоб обрести покой...

И тут кто-то, срываясь от ярости и обиды, выкрикнул:

— Да чтоб тебя!.. Твою мать!..

А когда яму засыпали, этот человек в бессильной злобе осел на землю и пробормотал:

— Я же, мать его, и попрощаться не успел...

И потом еще долго сидел у могилы, тихонько всхлипывая.

Прабабушка говорила, что хотела бы взглянуть на того умника, кто придумал такой сложный способ умирать. Она считала, что поступил он одновременно и жестоко, и милосердно.

Когда на кону настолько важное дело, разве станет кто-то ссориться с невестками или спорить с сыновьями? Все мирское сразу отступает на второй план. Да

¹ Шигун — в Южном Китае мастер по проведению различных обрядов: похорон и поминок, изгнания духов, благополучия, очищения и т. п. — *Здесь и далее примеч. перев.*

и сам вопрос — правда ли такой способ ухода помогает душе подняться на небеса — вовсе не имеет значения. Главное другое: перед лицом огромного, непонятного и пугающего у человека появляется ясный и четкий путь. А когда путь ясен, каким бы трудным он ни был, на душе все равно становится спокойнее.

Благодаря тому, что у них есть этот путь, старики в моих родных краях, пожалуй, самые деятельные и собранные люди на свете. Иногда мне даже кажется, что весь наш городок — это огромная школа жизни, а дома умирающих — ее классные комнаты. Группы жизнерадостных стариков приходят туда, чтобы со всей серьезностью наблюдать за похоронными обрядами и вместе постигать последние уроки бытия.

Моей прабабушке порой казалось, что смерть о ней забыла.

Лет с шестидесяти она будто записалась в кружок по изучению смерти и до девяноста девяти все пыталась угадать, когда же она наконец придет. Прошло добрых тридцать лет, но смерть так и не появилась.

Сначала прабабушка ходила изучать ее под ручку с подругами. Группкой, плечом к плечу — точно малыши из детского сада, — они вечно шумели, гадали и толкались.

Когда человек приближается к смерти, уже не важно, сколько у него денег, сколько историй за плечами — в конце остается только характер. Кто-то скуп, кто-то труслив, кто-то забывает себя в заботе о других... С возрастом люди становятся все проще — будто возвращаются к тому, какими были в самом начале.

В своем кружке прабабушка не выносила резкого голоса А-Хуа: когда та говорила, казалось, что кто-то невпопад колотит по звонкому медному гонгу. Даже если она рассказывала о чем-то веселом, это все равно раздражало. А вот А-Чунь, робкая и пугливая, нравилась прабабушке больше всех. А-Чунь была моложе ее всего на три года, но ходила всегда вприпрыжку, словно всерьез считала себя восьмилетней девчонкой. Ей было очень любопытно, что происходит в тот момент, когда умирающий дергает ногами, но при этом она до ужаса всего боялась. Каждый раз А-Чунь сама настойчиво тянула подруг понаблюдать за теми, кто стоял на пороге смерти, чтобы ничего не пропустить. Однако, как назло, в самый решающий момент ее охватывало странное предчувствие, и, по-котеночьи пискнув, она зажимала уши и пряталась за спиной моей прабабушки. Но потом не могла удержаться, чтобы не спросить: дрожит ли тело перед смертью? А звуки издает?

Тем не менее именно А-Чунь первой «выпустилась» из их кружка. Честно говоря, случилось это довольно обыденно. Рано утром прабабушка зашла позвать ее вместе позавтракать в одном из ларьков на овощном рынке. Но родные сказали, что А-Чунь с самого утра нехорошо и ее кровать уже перенесли в главный зал.

Прабабушка на мгновение замешкалась, охнула и, не заглядывая в зал, развернулась.

— А-Чунь любит лапшу с бульоном, — сказала она спокойно. — Схожу куплю.

Когда она вернулась, А-Чунь уже не стало. Прабабушка поставила миску с лапшой у изголовья и ушла. Больше она в тот дом никогда не заходила.

Остальные подруги прабабушки по очереди переносили кровати в главный зал и без помех покидали этот мир, а ее саму смерть все обходила стороной. В конце концов рядом осталась только та самая А-Хуа с ее пронзительным голосом.

Со временем прабабушка, сама не зная почему, начала ощущать себя как ученица-второгодника.

Как-то она неприязненно покосилась на А-Хуа, которую никогда особо не жаловала, и буркнула:

— Ну и почему мне пришлось остаться здесь, да еще именно с тобой?

По ее тону было понятно, что злилась она и на то и на другое.

В то время А-Хуа было за восемьдесят. Голос у нее был по-прежнему резким, но уже утратил звонкость и напоминал звук старого, проржавевшего гонга:

— Да просто ты захотела, чтобы я тебе компанию составила!

Смеялась она, как и раньше, весело и беззаботно.

В последний раз, когда им довелось идти рядом, прабабушка, почувствовав какую-то смутную тревогу, вдруг повернулась к А-Хуа и сказала:

— Запомни: ты должна уйти позже меня.

А-Хуа загоготала — так громко и раскатисто, словно в дело разом вступил целый оркестр из барабанов и гонгов:

— Тогда, если старуха явится, я с ней просто подерусь, делов-то! Буду махать кулаками и орать: никуда я сейчас не пойду! Я уйду только вместе с Цай Улоу!

Гонг дребезжал и дребезжал — А-Хуа все никак не могла успокоиться.

Но той же ночью прабабушку разбудили: А-Хуа все-таки ушла. Прабабушка тут же бросилась к ней домой и, увидев, что та умерла с выражением полнейшего счастья на лице, с досадой подумала: не стала она драться со смертью, не сказала, что хочет уйти со мной. От обиды прабабушка незаметно ущипнула покойницу и, сердитая, пошла домой, вытирая слезы.

После этого прабабушка осталась совсем одна. В новый кружок стариков она вступать не захотела. Иногда, опираясь на трость, она бродила по нашему городку, обходя дома старых подруг.

И думала: куда же они все-таки ушли? Счастливы ли они там?

А потом спрашивала сама себя: что я сделала не так? Или, может, мне нужно что-то закончить, прежде чем уйти?

Так она целыми днями ходила и размышляла.

Чем дольше прабабушка думала о смерти, тем больше та напоминала ей дальнюю родственницу, которую тысячу лет не видел, но все ждешь: когда же она, наконец, придет?

Год за годом она вновь и вновь задавала себе один и тот же вопрос. Внук вырос, женился, стал отцом. Сын внука вырос... а смерть все не приходила. Думать о ней стало для прабабушки так же естественно, как дышать.

Она разжигала огонь на кухне, меняла подгузники правнуку, ковыряла во рту зубочисткой после еды — и все повторяла одно и то же...

Даже я, покопавшись в своих самых ранних воспоминаниях, уверен: первой фразой, что я запомнил

в детстве, был вопрос прабабушки: «Почему она до сих пор не пришла?»

Маленьким я думал, что «она» — просто какая-то родственница, и не понимал, почему прабабушка так переживает. Иногда я из любопытства спрашивал:

— О ком ты? Кто не пришел?

Поначалу прабабушка избегала произносить при мне слово «смерть». В хорошем настроении она отвечала так:

— Одна девчонка, что любит играть в прятки.

А в плохом раздраженно бросала:

— Мерзавка, которой веры нет.

Лет в шесть я понял, что гостя, которую прабабушка никак не может дожидаться, — это смерть. Тогда у меня возник другой вопрос:

— А-тай¹, а почему ты ее так ждешь?

Прабабушка улыбнулась:

— Потому что она давно должна была прийти, а ее все нет.

И раз уж я сам спросил, прабабушка без всякого стеснения начала рассказывать о смертях, которые видела, и делиться со мной — шестилетним ребенком — признаками, что конец уже близок. Так, например, когда человеку пора уходить, глаза у него становятся очень большими, а кожа — гладкой. Поэтому, если

¹ В южнокитайских говорах распространены теплые разговорные обращения с ласкательным префиксом А. А-тай — прабабушка, А-му — мама; А-цзе — старшая сестра; А-мэй — младшая сестра.